

Глава 40. Ревность

Солнце светило как надо, по ясному небу плыли лёгкие облака.

Устроившийся на руках у Сян Сина Цзян Тан почему-то чувствовал раздражение. Он провёл лапкой по мягкой шерсти на шее и с явной неохотой смотрел на детёныша демонического зверя, который лизал руку Фу Линцзюня.

Ладно, он признаёт: малыш был до неприличия хорош собой. И милый, и послушный, и на лбу, лапах и хвосте у него проступали бледные огненные узоры. Выглядел он как роскошный рыжий котёнок, шагающий по пламени. К тому же умел плевать огнём, а значит, был хоть немного, но сильнее, чем он сам — ходячая единица с боевой мощью ниже нуля.

Цзян Тан: почему-то вдруг очень захотелось стать сильнее.

— Сяо Бай, ешь.

Почувствовав, что комочек у него на руках чем-то расстроен, Сян Син протянул ему молочно-белый духовный плод.

— И-и-у.

Мягкая лапка оттолкнула плод обратно. Настроения есть не было.

Глава общества любителей гладить маленьких зверушек проследил за взглядом белого пушистого комочка, посмотрел на оранжевого детёныша и очень серьёзно произнёс:

— Сяо Бай красивый. Милее него.

Увы, это совершенно не утешило.

Цзян Тан и сам знал, что как благой зверь он хорош собой. Но что толку от одной только красоты? Можно ли обменять её хотя бы на каплю боевой силы? Вон у Е Чжэнвэня серебристый тигр и дерётся не хуже сильного мастера Дао. А когда вырастет, говорят, и с культиватором ступени бессмертного Дао сможет сойтись лицом к лицу.

Сян Син вместе с Цзян Таном подошёл ближе к тому месту, где стоял детёныш алого огненного тигра.

И чем дольше Цзян Тан смотрел, как Фу Линцзюнь гладит чужого малыша, тем сильнее росло у него внутри недовольство. И всё же он никак не мог перестать смотреть. Смотрел, смотрел —

и чувствовал, как у него будто давление поднимается.

Неужели босс Фу и правда решил купить нового духовного питомца? А если купит, ему потом ещё и жить рядом с этим новым малышом? Нет уж, пожалуйста. Неужели он не может оставаться единственным маленьким любимцем рядом с боссом Фу? Ему совсем не хотелось иметь дело с другими зверёнышами.

— Даос, шанс и правда редкий, — заметив, что Фу Линцзюнь не выказывает отказа, торговец принялся ещё усерднее расписывать достоинства своего зверька. — Это ведь детёныш алого огненного тигра! Наш отряд выслеживал их очень долго и забрал малыша сразу после того, как тигрица родила. Он к людям просто необычайно ласков!

Цзян Тан невольно вспомнил серебристого тигра Е Чжэнвэня.

Серебристый, алый огненный — на слух сразу понятно: звери одного высокого ранга.

Культиваторы, похоже, вообще особенно любят таких духовных питомцев. Всякий раз, когда кто-то видел серебристого тигра, в глазах у них читались и зависть, и восторг. Все говорили, что только избалованный отпрыск с сильной поддержкой вроде Е Чжэнвэня может позволить себе столь мощного питомца.

Но ведь Фу Линцзюню всё это не нужно, правда?

Он и так невероятно силён. А рядом с ним ещё и Сян Син, настоящий танк в бою. Куда бы они ни пошли, везде могут раздавить всех в лоб.

Цзян Тан смотрел на детёныша алого огненного тигра, который кокетливо тёрся и строил милую мордочку, и мысленно только и повторял: босс, не покупай, босс, не покупай... Но сколько он ни повторял, Фу Линцзюнь всё равно его купил.

Цзян Тан: ???

Тьфу! Вот ведь подлец. Видит милого зверька — и сразу покупает. Ну всё, теперь он точно разобрался, что это за человек.

Торговец посадил детёныша в клетку, а Фу Линцзюнь вместе с клеткой убрал его в жемчужину Нахай.

После этого вся компания продолжила путь в башню Цяньцяо к Е Чжэнвэню.

На этот раз, кроме Шэн Исюэ и Сун Цзиньяо, пришёл ещё и Хуай Чэньинь. Щёкастый юноша как раз ел, и, когда в зал вошли Фу Линцзюнь с Сян Сином, он замер, а на его белом круглом

лице промелькнуло то ли раздражение, то ли досада.

Он злобно полоснул Сян Сина взглядом и тут же отвернулся, больше на них не глядя.

На редкость неповоротливый в чувствах великан в этот раз, однако, сразу заметил, что Хуай Чэнъинь злится. Ему захотелось с ним заговорить, но он не знал, что сказать, и от этого мучительно растерялся.

Команда из четырёх человек наконец собралась.

Поскольку в Битве Небесных Дарований могли участвовать только культиваторы не старше двадцати пяти лет, да и то максимум со своими духовными питомцами, замаскированный далеко не идеально Сян Син на этот раз сопровождать Фу Линцзюня на утёсе Жисы не мог.

Цзян Тан всерьёз подозревал, что Фу Линцзюнь купил алого огненного тигрёнка именно затем, чтобы не брать его с собой на утёс Жисы. В конце концов одному участнику разрешалось взять только одного духовного питомца.

Уже собравшиеся в команду юноши обменивались сведениями и обсуждали, какие пилюли и магические артефакты стоит подготовить. За столом царила дружелюбная атмосфера, и все быстро освоились.

— Э? А чего это Сяо Бай сегодня так мало ест? — Е Чжэнвэнь специально велел приготовить для пушистого комочка тарелку мяса и сок, но тот, обычно способный съесть очень много, на этот раз попробовал пару кусочков и свернулся клубком на краю стола.

Фу Линцзюнь тоже посмотрел на него.

Белый комочек шевельнул ушами, но, хотя и услышал голос Е Чжэнвэня, даже головы не поднял. Лежал и никого не желал замечать.

— Брат Линь же говорил, что по дороге купил детёныша алого огненного тигра? — совершенно не чувствуя обстановки, предложил Е Чжэнвэнь. — Может, Сяо Баю одиноко? Было бы неплохо найти ему компанию. Выпусти тигрёнка, пусть поиграют, вдруг ему станет лучше?

Цзян Тан не удержался и бросил на этого второсортного дурака Е убийственный взгляд. Да кто сказал, что он хочет видеть этого детёныша?

Фу Линцзюнь заставил себя отвести взгляд от этого белого комочка, полного обиды, и достал только что купленного тигрёнка.

Оранжевый клубочек оказался очень ласковым. Просидев долгое время запертым в

жемчужине Нахай, он всё равно не проявлял ни малейшего нрава: его только выпустили, а он уже потёрся о руку Фу Линцзюня и лизнул её.

Движение было тем же самым, что и у Цзян Тана, но сердце Фу Линцзюня не дрогнуло ни капли.

Цзян Тан надулся и распластался на столе. И тут рядом с ним вдруг возникла оранжевая мордочка.

— Ты первая духовная зверушка хозяина? — тигрёнка алого огненного тигра Е Чжэнвэнь принёс и поставил рядом с Цзян Таном. Сейчас ему было ужасно любопытно. — От тебя так вкусно пахнет.

Но Цзян Тан в этот момент совершенно не хотел общаться с этим чрезмерно дружелюбным новым товарищем и просто отвернулся к нему задом.

Тигрёнок понюхал его сзади несколько раз, а потом ещё и лапкой дотронулся до хвоста.

Цзян Тан раздражённо дёрнул хвостом, не позволяя себя трогать.

Только что родившийся тигрёнок ещё не умел как следует контролировать свой огонь. Он хотел что-то сказать Цзян Тану, но случайно выплюнул крошечный язычок пламени. Кончик хвоста Цзян Тана неприятно обожгло, и ленивый белый комочек тут же вскочил и яростно затряс хвостом. К счастью, огонёк был не слишком горячим, да и тигрёнок не хотел ничего плохого, иначе хвост маленькой белой собачки мог бы и подгореть.

Цзян Тан тут же набросился на него и вlepил лапой:

— Ты чего творишь?!

Тигрёнок даже не увернулся и честно принял этот удар на себя.

Потом наклонил голову набок и удивлённо сказал:

— Не больно. Ты ведь не демонический зверь? Ты обычная маленькая собачка?

Цзян Тан: ???

Это ещё что за чушь ты несёшь! Он, между прочим, единственный за десять тысяч лет благой зверь между небом и землёй. Очень ценный!

Хотя, если честно, ценность благого зверя в основном сводилась к тому, что он был живым талисманом и весь состоял из сокровищ, из-за которых на него постоянно зарились. Больше толку от него было немного.

— Ты как со старшим разговариваешь? — Цзян Тан, которого чуть не подпалили, начал сурово читать мораль. — Ты вообще понимаешь, что такое очередь? Я тут раньше тебя появился. Даже если я собака, я всё равно твой старший. Проявляй уважение!

Но дикий тигрёнок этих тонких доводов, конечно, не понимал. Он снова потянул лапу и с любопытством захотел потрогать белую собачку.

Один был полон любопытства, другой — злости. На краю стола у них тут же началась возня. Шкура тигрёнка, как и положено демоническому зверю, была крепкой и прочной. Шёрстка Цзян Тана годилась в основном только для того, чтобы быть милой. Пусть по размеру они были примерно одинаковы и ни один не дрался всерьёз, но после двух раундов Цзян Тан уже проигрывал. Разозлившись до крайности, он бросился искать защиты у Сян Сина.

Е Чжэнвэнь всё это время наблюдал за краем стола и не удержался от смеха:

— Брат Линь, похоже, алого огненного тигра и Сяо Бая вместе держать нельзя. Смотри, уже подрались.

Фу Линцзюнь, естественно, всё видел.

Он заметил, как белый комочек, распушившийся и сердитый, убежал к Сян Сину, и рассеянно сказал:

— Отдам его тебе.

Е Чжэнвэнь:

— А?

Фу Линцзюнь отвёл взгляд, с холодным лицом налил себе чаю и осушил чашку одним глотком:

— Детёныша алого огненного тигра. Отдам тебе.

Хуай Чэнъинь, который всё это время только и делал, что ел, наконец поднял голову и пробормотал:

— Очень кстати. Один самец, одна самка. Молодой господин Е, теперь у твоего Да Бая

появилась невеста, которую растят для него с детства.

Е Чжэнвэнь моргнул и ошеломлённо уставился на него:

— Брат Линь, этот твой тигрёнок алого огненного тигра стоит как минимум несколько сотен тысяч духовных камней. И ты... просто... вот так отдаёшь его мне?

От этого в голове Е Чжэнвэня образ «Линь Шэна» сразу поднялся ещё выше. Даже для избалованного отпрыска это была сумма, которой жалко разбрасываться, а уж взять и бездумно подарить её кому-то — и вовсе невысказано.

Фу Линцзюнь кивнул:

— Сяо Баю не нравится.

Е Чжэнвэнь:

— ???

То есть только потому, что Сяо Баю не понравилось, этот брат Линь взял и подарил кому-то несколько сотен тысяч духовных камней? Но тогда зачем вообще было тратить столько денег и покупать его?

Серебристый тигр, который пока ещё не знал, что обзавёлся «невестой с детства», в этот момент большими глазами смотрел на тигрёнка, обидевшего комочек. Да, комочек не пострадал и даже успел дать сдачи, но всё равно ему казалось, что этот малыш ужасно неприятный!

Тигрёнок алого огненного тигра тоскливо посмотрел на убежавшую белую собачку, потом огляделся и наконец заметил на расстоянии одного метра огромного белого тигра.

— И-и-у... а-у~ — очень дружелюбно поздоровался он. Голос у него был молочный, совсем младенческий.

Большой белый тигр: «...»

Ну... вообще-то... немножко милый. Но только немножко! Больше всего ему всё равно нравился мягкий, пахучий белый комочек!

Цзян Тан целый день не разговаривал с Фу Линцзюнем.

Проиграв драку, он был слишком занят своей обидой и потому не знал, что детёныш алого огненного тигра пробыл в жемчужине Нахай босса Фу всего короткий отрезок пути и почти сразу перешёл вторым хозяином в дом Е Чжэнвэня — в качестве «невесты с детства» для Да Бая.

Когда несколько юношей окончательно договорились, что до Битвы Небесных Дарований отправятся охотиться на утёс Жисы, Цзян Тан по-прежнему сидел на руках у Сян Сина и вместе со всеми вышел наружу.

По дороге Сян Син, как обычно, купил ему сладости после еды. Но Цзян Тану и сейчас было не до них. В дурном настроении он только вертел головой по сторонам.

Рядом с лотком со сладостями как раз стоял прилавок, где продавали шпильки с цветами, кисти, душистые мешочки и украшения.

Цзян Тан рассеянно посмотрел на красивые безделушки и почему-то вдруг вспомнил длинные волосы Фу Линцзюня, когда тот снимал свою маскировку.

Большой красавец и сам красивый, и волосы у него красивые. Когда он распускал их, они спадали до самых щиколоток. Каждый раз, идя за ним, Цзян Тан любовался, как эта шевелюра, прямо как в сянсья-дорамах, взлетает на ветру красивой дугой.

Но как бы хорошо это ни выглядело, хлопот с ними, наверное, тоже немало. И всё же Цзян Тану очень хотелось бы посмотреть, как выглядел бы Фу Линцзюнь с убранными волосами. Или, может быть, с высокой причёской на шпильке, по-небожительно строгой? Оставлять ли пряди у лица? Оставить две, обязательно две. В сериалах ему всегда больше всего нравились именно такие причёски.

Пофантазировав о волосах, Цзян Тан вдруг начал мысленно переодевать Фу Линцзюня. Не то чтобы тот сейчас носил что-то некрасивое, но всё у него было слишком уж однотонное. Чёрное да чёрное, а белой одежды он и вовсе ни разу не видел. С таким лицом, если бы он ещё каждый день менял наряды и причёски... эх, это было бы чистое визуальное пиршество.

Стоп. Он же вообще-то до сих пор злится, разве нет?

Цзян Тан размечтался слишком далеко, а потом снова вернулся к исходной точке своей обиды, фыркнул и отвёл взгляд от красивых шпилек.

Но почти сразу не выдержал и украдкой посмотрел обратно.

М-м. Больше всего ему понравилась одна деревянная шпилька — совсем простая по форме, но на конце она разветвлялась, как хвост феникса, и очень напоминала огонь Фу Линцзюня.

Тогда, когда он разрубал печать долины Тяньбэй, громовое пламя оплетало его и постепенно принимало форму феникса, в длинном хвосте которого переплетались молнии и огонь. Тёмные волосы Фу Линцзюня развевались на ветру, и Цзян Тан, глядя издали на его бледное, почти демонически красивое лицо, вдруг всем сердцем захотел когда-нибудь расчесать ему волосы.

Жаль, что у него нет рук.

И ещё жаль, что сегодня обе передние лапы у него особенно болят.

Наверняка это босс Фу тайком избил его, пока он спал.

Чем больше Цзян Тан об этом думал, тем сильнее убеждался, что именно так всё и было. Поэтому, когда Фу Линцзюнь обернулся на него, он щедро наградил его большим выразительным белым взглядом, а затем демонстративно отвернул круглую голову.

Фу Линцзюнь: «...»

Эта неловкая холодность тянулась до самого вечера.

Обычно Цзян Тан спал вместе с Фу Линцзюнем. Даже когда раньше Фу Линцзюнь внезапно начинал вести себя непредсказуемо и не пускал его на кровать, ему всё равно позволяли спать хотя бы в примитивной лежанке у самой постели.

Но сегодня, едва Сян Син принёс его наверх, маленький пёсик, полный обид, тут же вывернулся у него из рук, шмыгнул на пол и бегом бросился в комнату великана.

Сян Син попытался поймать его и вернуть, но Цзян Тан нарочно воспользовался преимуществом маленького тела и забился под шкаф, где и спрятался.

Он не выйдет!

Если этого тигрёнка потом выпустят и поселят с ним рядом, они опять подерутся. Фу Линцзюнь ведь всё видел и всё равно не помог. Ужасный человек. Он не хочет с ним спать в одной комнате!

Чем больше Цзян Тан об этом думал, тем сильнее сердился. Наверное, Фу Линцзюнь в последнее время относился к нему слишком хорошо, и он сам чуть ли не избаловался от этой благосклонности. Он ведь не запрещал покупать других малышей, но надеялся хотя бы на то, что, если другой зверёк начнёт его обижать, Фу Линцзюнь всё-таки встанет на его сторону. В конце концов они вместе вышли из долины Тяньбэй — почему же теперь именно ему приходится терпеть обиды?

Сян Син попробовал было поднять шкаф, но Фу Линцзюнь его остановил.

Он стоял в дверях и молча смотрел на белый комочек, у которого из-под шкафа торчала одна лишь полоска хвоста. В глазах его была густая, тяжёлая тьма, но он не сказал ни слова. Постоял немного и повернулся обратно к себе в комнату.

Цзян Тан свернулся плотным пушистым шариком под шкафом, в темноте. Он слышал, как Фу Линцзюнь ушёл, и тот даже не сказал ему ни одного слова.

Словно его чувства вообще никого не волновали.

Ну и ладно. Вообще-то с самого утра Фу Линцзюнь уже не так его любил. А потом ещё и купил питомца, который пришёлся ему по сердцу. Алый огненный зверёк был и милый, и сильный. Главное — в отличие от него не корчил обиженную морду без причины. Просидев в жемчужине Нахай столько времени, он всё равно сразу радостно прилип к хозяину, стоило его выпустить.

Цзян Тан так не мог.

Нет, не то чтобы совсем не мог.

Когда он только попал в этот мир и изо всех сил пытался выжить, он очень даже мог. Тогда ради куска еды он без всякой гордости лез ластиться, тереться и целовать, лишь бы задобрить Фу Линцзюня. И в то время, кажется, он вообще не умел чувствовать такую обиду.

Когда же всё изменилось?

Первый раз — после кровавой резни в Цзэяне. Тогда отравленный Цзян Тан волновался за Фу Линцзюня, тащился к нему из последних сил, с головокружением и дрожью, а тот, едва увидев его, безжалостно швырнул прочь из долины Тяньбэй. Тогда эта обида была похожа на чувство, будто всё, что ты так старательно нёс, не только не оценили, но даже не удостоили взглядом.

Но потом Цзян Тан узнал, что в тот момент Фу Линцзюнь и правда был на грани смерти, и выбросил его только потому, что другого выхода не было. Обида постепенно сменилась жалостью и болью за него.

Второй раз — когда Фу Линцзюнь без всякой причины втянул его в духовное соитие, а потом начисто всё забыл. Эта обида была уже куда глубже. Всё-таки во время духовного соития между ними произошло многое из разряда «это» и «то самое», и с точки зрения душ он уже никак не мог считаться просто домашним зверьком — он был самостоятельным человеком.

Но что с того, что душа у него человеческая? Их память не была равной. Злой призрак на пороге смерти ничего не помнил и действовал одними инстинктами, а Фу Линцзюнь ведь даже

не знал, что его спас именно он. К тому же потом он всё-таки жарил для него рыбу, чтобы загладить вину. Хотя та первая рыба и правда была ужасной.

Третий раз получился совсем странным. Ещё вечером он честно спал у Фу Линцзюня на подушке, а утром тот вдруг перестал брать его на руки. Эта фаза длилась недолго, и вскоре Фу Линцзюнь снова стал его носить, так что Цзян Тан особенно не заморачивался.

Но в четвёртый раз он по-настоящему рассердился.

Как вообще Фу Линцзюнь мог купить другого зверёныша? Ладно купил, но ещё и смотрел, как тот его обижает. Это разве нормально?

У-у... Подумав об этом, Цзян Тан обиженно распластался на полу и так вымазал белую шерсть в пыли под шкафом, что она стала сероватой.

— Сяо Бай.

Сян Син присел у шкафа, огромный, и в руке у него была соломенная бабочка. Он тихонько покачал ею перед входом:

— Хозяин ушёл. Выходи. Играть.

У Цзян Тана в груди всё сразу хлынуло наружу.

Грязноватый пушистый комочек вылез из-под шкафа, хныча и поскуливая, и ткнулся в большую ладонь.

Он и сам не знал, почему сегодня ему так тяжело. В прошлой жизни он тоже дрался в детстве с соседскими мальчишками и, даже проигрывая, вроде бы так не расстраивался. Хорошо хоть великан всегда лучше всех понимал его настроение и каждый раз старался утешить, когда ему было плохо.

От этой мысли Цзян Тану стало немного легче. Всхлипывая, он прыгнул и вцепился зубами в живо сплетённую бабочку.

С той же силой, с какой обычно кусал пальцы Фу Линцзюня.

* * *

Ночью.

Луна поднялась на тихий небосклон, тайком впустила в окно лунный свет и залила им полкомнаты.

В эту ночь Фу Линцзюнь не делал вообще ничего.

На самом деле у него было ещё очень много вещей, которые следовало проверить и обдумать, но никакого желания не было. Взгляд его остановился на ветке лагерстрёмии за окном, яркой, будто её пропитали румянами. Ночная роса была густой, но цветы всё равно теснились плотными гроздьями и выглядели вызывающе яркими.

Глядя на эту яркую ветвь и слушая дыхание летней ночи, Фу Линцзюнь всё больше не находил себе места.

Когда тот пушистый комочек был рядом, вокруг никогда не бывало по-настоящему тихо. То слышалось мелкое чавканье, когда он что-нибудь грыз, то тихое вылизывание, то он гонялся за хвостом и прыгал по кровати, то перед сном издавал похожие на капризные жалобные звуки.

Так или иначе, прежде здесь никогда не стояла такая тишина, как в эту ночь.

С усилием заставив себя успокоиться, Фу Линцзюнь наконец перестал вспоминать те нелепые утренние сцены, от которых у него сжималось всё тело.

В конце концов всё это было лишь случайностью. Юноша по имени Цзян Тан ни о чём не догадывался. Даже о том, что его повреждённая душа однажды вторглась в обитель духа Фу Линцзюня, он сам уже ничего помнить не будет.

Но именно это неведение и делало всё ещё тяжелее.

Их чувства больше не были равны.

Цзян Тан всё ещё считал себя маленьким зверьком. Но Фу Линцзюнь уже не мог и дальше воспринимать его как зверька.

Он долго сидел у окна, подставляя лицо ветру, а потом вдруг подумал ещё об одном.

Что стало толчком к превращению в человека? И не спит ли сейчас тот пушистый комочек, свернувшись на руках у Сян Сина?

Человек у окна резко поднялся на ноги. Лицо его потемнело.

Он быстрым шагом вышел из комнаты и посреди глубокой ночи, когда уже все давно спали,

вызвал Сян Сина наружу.

— Хозяин? — Сян Сину спать не требовалось, но сегодня ему впервые довелось уложить пушистый комочек рядом с собой, и он как раз с полным блаженством смотрел, как тот спит, распластавшись мягкой белой лепёшкой, когда его вдруг без всякой причины позвали.

Фу Линцзюнь поджал губы:

— Иди следи за Ци Цунъюем. Не дай ему покинуть область Цянькунь.

Великан, которому явно не хватало соображения, очень старательно подумал и с задержкой ответил:

— Битва... Небесных Дарований... скоро. Хозяин... он не уйдёт.

— Я сказал — иди, значит иди, — в его голосе не было места для возражений.

Великан совсем приуныл.

Он оглянулся на белый комочек на кровати, потом снова посмотрел на хозяина, неловко переплёл свои могучие руки:

— Сян Син... слушается.

Потом ушёл, оборачиваясь через каждые два шага.

Только когда он скрылся вдали, Фу Линцзюнь тяжело выдохнул.

Лунный свет из окна падал на чуть запылённую шерсть белого комочка.

Фу Линцзюнь стоял у кровати и смотрел на маленького белого зверька, который во сне раскинулся на все четыре лапы. То пустое место, которое вырвали у него из груди этой ночью, наконец было заполнено.

Он сел на край постели, снял маскировку и протянул руку, чтобы погладить мягкую голову.

— Когда же ты наконец поймёшь?..

Примечание автора:

Тан-Тан: после духовного соития с боссом он меня забыл.

Босс: Тан-Тан меня соблазняет, а сам вообще ничего не понимает.

Две неравные линии чувств, ха-ха-ха.

<http://bllate.org/book/17032/1638328>